

18+

Здоровый, десятичасовой
сон

Кирилл Шидловский

Кирилл Шидловский

Здоровый, десятичасовой сон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40488477

ISBN 9785449604132

Аннотация

Эта книга кривоватая и местами тяжелая, но в ней есть один большой плюс – она абсолютно настоящая. Сделанная с кровью и потом, выдранная с куском мяса. «Реальность – одна из ипостасей сна». Хорхе Луис Борхес Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
22 февраля	6
«Медузы повадки»	7
1	7
2	12
3	14
29 февраля	16
«Запятнанная исповедь»	17
Глава первая, в которой я объясняю откуда все пошло	17
Глава вторая, в которой я познакомился с Викой	20
Глава третья, после которой моя жизнь изменилась	24
Глава четвертая, кратко показывающая мое становление	26
Глава пятая, которую вы наполовину знаете	29
2 апреля	33
«Палка в колесе»	34
20 апреля	39
«Кадык»	41
Глава 1	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Здоровый, десятичасовой сон

Кирилл Шидловский

Дизайнер обложки Елизавета Долгирева

Редактор Полина Сокольская

© Кирилл Шидловский, 2019

© Елизавета Долгирева, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-0413-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Если уж говорить откровенно, то эта книга должна была быть сборником рассказов, написанных за последние пару лет, но мне показалось, что так она будет какой-то неполноценной и неправильной. Чтобы создать это ощущение целостности, я решил вплести все рассказы, которые мне кажутся удачными, внутрь нехитрого художественного сюжета, помогающего им раскрыться с другой стороны. Изначально идея показалась мне здоровой, но потом меня настигла очень сложная задача – сделать эти «склейки» максимально непохожими на ведущих школьного мероприятия, выходящих между танцевально-вокальными номерами или, что еще хуже, на переходы номеров университетского КВН. Искренне надеюсь, что у меня это получилось и желаю вам приятного чтения.

*«Если Вы всерьез хотите разочаровать родителей,
а к гомосексуализму душа не лежит, – идите
в искусство»*

© Курт Воннегут

22 февраля

Я никогда не был писателем, не учился им быть, да и становиться не собирался. Поэтому все написанное ниже (*не забыть изменить на «все, что вы видите перед собой», если соберусь выпускать книгу*) это скорее дневник, переплетенный с бессмысленным набором зарисовок событий, которые с некоторых пор я вижу во снах, видениях и сновидениях (*загуглить, есть ли разница*), и объясняю вам, читателям.

Началось все сегодня, 22 февраля. Я просто увидел невероятно реалистичный сон, который запомнил абсолютно во всех деталях настолько досконально, будто я действительно прожил его. Сразу после пробуждения я насильно выдернул ноутбук из режима сна и кинулся записывать увиденное во всех деталях. Буквально за 5—10 минут чистого высмаркивания сознания на электронный лист с жирным слепым пятном из битых пикселей в левом нижнем углу, получился приблизительно такой рассказ:

«Медузы повадки»

1

«Дамы и господа! Счастлив вам представить нашу последнюю разработку – средство, что избавит человечество от старения и дарует вечную молодость! Тысячелетия развития и становления цивилизации и науки привели к тому, что человек может побороться со своим естественным ходом жизни. Победа над старением и увяданием позволит качественно накапливать самый важный ресурс – человеческий опыт, порождающий большое количество интеллигентных людей и настоящих профессионалов своего дела, способных продвигать мир к светлому будущему семимильными шагами. Наша разработка представляет из себя особые инъекции, постепенно замедляющие и отключающие процесс старения. В течение последних лет они были протестированы множество раз и сертифицированы согласно всем известным медицинским стандартам. Уже с завтрашнего дня они будут введены в обиход каждой больницы нашей страны и откроют новую веху в истории человечества.»

Именно так выглядит отрывок из текста газетной вырезки, висящей над моим рабочим местом. Это слова моего деда, человека с самой большой буквы, мечтателя и аван-

тюриста. Слова, произнесенные до глобализации, промышленной революции, научного переворота, отмены Ньютоновской физики, подчинения гравитационных сил и прочего. Я ими вдохновляюсь и всегда так говорю своему деду, когда езжу к нему в «дом престарелых». На самом деле, это просто старое название для нового явления. Престарелых в нем нет, есть только много людей, которые выглядят так же, как я и ведут себя немного странно. Или не немного.

Каждую субботу я захожу в палату к своему дедушке, мужчине пока еще белого цвета, что изобрел специальный раствор, схожий по свойствам с кровью, но основанный на геноме медузы, что обновляет свои клетки. С помощью этого генома создается специальная жидкость, которую вводят человеку практически с рождения до тех пор, пока полностью не заменит ему кровь, оседая в теле раз за разом. И, вот, ее создатель, которому на вид буквально лет 30, лежит голым, в окружении мерзких, пахнущих больницей и покрашенных в желтый цвет стен, в памперсе и с трубкой, воткнутой в уретру, потому что он забывает сходить в туалет, пока открывает новые формулы бессмертия, считая в уравнениях несуществующие переменные.

А его сосед по комнате, дядя Коля, отработавший инженером водосточных систем около трехсот лет, создает различные конструкции из его трубки для уретры и регулярно обливается, из-за чего симпатичной, белокурой медсестре, что на посту уже 150 лет приходится все время за ними уби-

рать. Другой их сосед, заросший густой, черной бородой почти до оголенной и костлявой груди, сутками находится под кушеткой, заявляя всем, что он уже лежит в гробу, ожидая вечного покоя. Тоже в памперсе.

Не носит памперс в их палате только один персонаж, но лучше бы он его носил. Иван, воспитавший самолично штук 20 детей в противовес законодательству нашей планеты, скрываясь от штрафов на ферме где-то в глубинке, сейчас ходит по палате и командует, как именно строить уретропровод, истошно покрикивая и выпучивая краснющие глаза, убеждая его послушать, потому что он уже очень много прожил и «наверное, получше разбирается». Он единственный из них пребывает в «адекватном» состоянии, но очень уж он достал двадцать своих отпрысков.

Прокручивая в голове дедушкину речь, будто углубляясь в душу, что смотрит на меня из его глаз на фотографии, которые я ещё застал не такими стеклянными, как сейчас, я гуляю по парку возле дома и думаю. Раскидываю мозгами, так сказать.

Мысли мои прерывает девушка с собачкой. Девушку я встречаю в парке лет уже пятьдесят, но она все ещё «девушка», и собачек сменила соответственно штук пять. Она, наверное, воспринимает их как аксессуар. Таскает в сумке, зовет не по кличке, а по породе. Мол, «терьер Каширский, беги-ка сюда.» Таких как она я видел уже тысячи раз, если все разы это не была она, конечно.

– Здравствуйте! Как ваша работа?

– Здрасьте. Да порядок, дорабатываем всякие мелкие моменты в инъекциях, стараемся сделать так, чтобы их надо было вводить меньше времени и организм обрастал бы ещё более мощной иммунной системой. А ваша как? – спросил я в ответ, запамятавав, честно говоря, чем она занимается.

– Да тоже отлично, вот, вывела уже седьмое поколение для этой породы. У них айкью выше уже на целых четыре единицы!

– Ого, да вы делаете успехи, – я натужно изобразил удивление.

– Да, ведь...

– Ну ладно, до скорого, – вылетело из меня, прервав ее на вдохе.

– Ой, до свидания!

Я не мог вспомнить, какая новая мысль готова была родиться у меня из ряда предыдущих заключений, поэтому смиренно побрел домой, посматривая на погоду, которую сегодня выбрали жители нашего города. Блин, я голосовал за дождь.

Капли дождя, который все же случился вопреки общественному решению, проливались из дырки на западе. Это было похоже на одуванчик, что рвется из под толщи асфальта. Позабыв из-за этого, куда я шел, я двинулся к капающему дождю, чтобы посмотреть на дырку. Узнаю московский подход к делу.

Под дыркой было на удивление пусто и не на удивление мокро. Я подошёл, задрал голову наверх и увидел, как по стенкам полупроницаемого купола стекают в атмосферу клубы вредных, черноватых газов. Стало противно. Жаль, что я живу не в научно-фантастической книге, где можно просто зайти в телепорт и очутиться дома. Нет же, мне надо либо идти пешком еще минут 30, либо садиться на поезд, но это будет минут 15—20, что сравнимо. Прогуляюсь.

2

– Женечка, привет

На пороге нашей «квартирки рабочей недели» меня встречала супруга. Азиатка – брюнетка в розовом конопляном халате, которую я вижу почти каждый день уже слишком много лет. Она устало улыбалась, показывая неглубокие ямочки и посверкивая искорками подзатухшего огонька в глазах.

– Привет, Танюэ

– Вина? Сегодня на ужин будет настоящая говядина, а не как последнее время. Можно выпить вроде как в ознаменование выхода из кризиса.

– Ого, это здорово.

Мы включили оптоволоконный столик, чтобы заработала подсветка и сели ужинать на кухне. Из-за своего настроения, я смотрел на Танюэ и думал, что она, наверное, самая лучшая женщина на Земле для меня, но она все равно очень мне надоела. Будто бы в ней нет больше ничего, что можно открыть и познать. Ничего, в чем она совершенствуется и меняется. Меня давил натяжной потолок.

– О чем задумался?

– А, да так, – я начал судорожно перебирать предпоследние мысли и идеи из головы, чтобы выдать ее за свежую. – про деда думаю. Я к нему заходил в субботу, он что-то со-

всем плох стал. Забывает теперь даже в туалет сходить, настолько увлечен своей «работой».

– Да, маме тоже плохо. Если раньше она обходилась постоянными звонками с просьбами вроде надеть шапку, ну, ты знаешь, – это «ты знаешь» она произнесла быстрее, чем остальные слова и пожала плечами. – то сейчас она намеревается приехать и учить меня китайскому языку и всем обычаям-традициям. Благо, папа еще в порядке и меня прикрывает.

– За здоровье?

– Да, за него.

Мы закончили ужинать, немного почитали под включенный только с звуком и запахом канал о живой природе, да пошли спать. Я долго не мог заснуть, потому что все время думал про Таноэ, пока она уже похрапывала в соседней комнате. Патовая получается ситуация. Я знаю ее уже слишком, чтобы испытывать от союза что-то вроде чувств первых сорока лет, пусть даже чуть помешанных с отцовскими эмоциями. Однако, я и не могу никуда уйти, просто потому что не могу, наверное, уже жить по-другому, да и уходить никуда не хочу. «Бархатная» постель начала чувствоваться мне чрезмерно мерзко путающей и обволакивающей, поэтому я пошел на кухню выпить молочного продукта, а по возвращению в постель забывал, точно ли я его выпил весь и в хождениях туда-сюда провел остаток ночи.

3

На сегодня выбрали тропический климат. Было жарковато и влажно, но это не сильно мешалось, потому что в лаборатории было 22 градуса ровно. До обеда я ломал голову над тем, что поменять в составе таким образом, чтобы сократить инъекционный период. Таня в это время ставила различные эксперименты, выполняя то, что я ей напишу, чтобы выяснить реакцию сыворотки на это.

– Пап, последний опыт вообще бесполезным получился. $\pm 0.6\%$ исследуемого параметра, а капля азотной кислоты убавляет почти процентов 15 от самого эффекта продления жизни, не знаю, зачем ты ее написал, было же очевидно, что из реакции с белком ничего хорошего не выйдет, – сказала Таня, высунувшись из лаборатории и показав свое лицо с черными кудряшками и сертифицированной коричневой кожей #23, которую мы не хотели ставить вместо ее симпатично-желтоватой при рождении, но правила есть правила. Всё-таки это могло кого-нибудь оскорбить. Она поблескивала в мою сторону таким же огоньком, какой сидит и в глазах ее матери, но Танин огонь пока что горит ярким, даже слегка неоновым цветом.

– Угу, понянятно, – протянул я.

Я посмотрел в глаза деда в ламинированном кусочке газеты и тут меня осенило. Более не размышляя, я заменил ноль

в строке «азотная кислота» на 0.09 мл, состав автоматически пересчитался для выпускаемого объема, и я отправил рецептуру сразу в центральный компьютер цеха, потому что папе свое решение я смогу объяснить, а дочке нет. Всё-таки люди слишком идеалисты первые шестьдесят лет.

29 февраля

Последнюю строчку я написал сам, но это же лишь интерпретация мыслей человека, которого я прожил за свой сон, так что ничего страшного, думаю. Идею для создания подобного дневника я получил вчера случайно. Я ехал в образовательный центр, потому что мне поставили группу с четверга на сегодня, и будто бы уснул. Надо еще отметить, что это был один из тех автобусов, в которых кожзамные, потертые сиденья, исцарапанные окошки, бежевые, протертые в середине поручни и передавать за проезд надо на выходе. Поэтому такой сон, когда не осознаешь до конца, бодрствуешь ты или нет, из-за того что очень часто просыпаешься, был еще обусловлен скоростью, шумом и авиационными наклонностями самого автобуса. Но время в таком состоянии идет очень быстро. Провалившись буквально на несколько минут в что-то внешне более похожее на коматозное состояние, чем на сон, я четко увидел свои руки, покрытые трудовыми мозолями, рукава холщовой тюремной робы и стол из дсп, на котором лежит несколько уже исписанных мной листков следующего содержания:

«Запятнанная исповедь»

Глава первая, в которой я объясняю откуда все пошло

«Когда мне было 12 лет, я отбывал свое первое наказание за похоть и интерес. Мне пришлось мести граблями огромные, как мне тогда казалось, поля каштановых листьев»

«Не, слишком рано начал», – подумал я и плотно зарисовал написанное на вершине страницы.

«Моя биография начинается со сломанного в 15 лет носа, когда я заступился за практически незнакомую девушку и заработал красивую кровавую юшку, текущую честной рекой, а не просто капающую, и свой первый привод в полицию, причем по жалобе этой же девушки»

«Не, нихуя. Больно слезливо и далеко», – подумал я и вырвал страницу с корнем, за что услышал несколько не самых мирно-культурных замечаний от своего соседа, ведь сейчас была его очередь спать.

«Я сломался не так давно, в свои 19 лет. Я закончил тогда отдавать долг родине, так как из-за душевной тяги к щедрости и авантюризму не стал считать и выяснять кто, сколько и кому должен. И как у любого порядочного дембеля, у меня

тестостерон плескался через край. Хотелось драться и трахать. Поэтому перед тем как хорошенечко получить в уже начатый нос в темной подворотне за мобильный телефон, мы пошли в местную проститутушную. Проститутушную, потому что назвать это место борделем было бы слишком уж смело и роскошно. Это была хрущевка, где героиновые селянки ходили в застиранных халатах и прятались с тобой по комнатам, а иногда и кладовкам. Для меня это был первый опыт посещения такого места, поэтому я чуть подрастерялся тогда. Выбрал самую симпатичную из тех, что были, и она повела меня в комнату с кроватью, на которой совсем не случайно были черные простыни. Помимо кровати там стояли стул с высокой спинкой и кофейный столик, на котором стоял работающий ноутбук.

Не зная, как, эм, начать, я говорю ей взять в рот. Когда чувствую щеку, закрываю глаза от удовольствия. А открываю их минуты через две от того, что слышу какие-то посторонние звуки. Всматриваюсь, а на экране ноутбука мальчик лет восьми-десяти в мониторных наушниках разговаривает с этой женщиной. Отчитывается о количестве сданных домашних работ, пока мой член скользит у нее между щек. Естественно, я вынимаю, оставляя характерную нитку слюны на подбородке и с невероятным удивлением и какими-то вопросительными выкриками смотрю на нее. Она же буквально секунду смотрит на меня, пожимает плечами, вытирает подбородок и, как ни в чем не бывало, продолжает раз-

говаривать с мальчиком про оценки в школе. Не надо, думаю, говорить, что по носу я тогда получил в объяснимо расстроенных чувствах.»

Глава вторая, в которой я познакомился с Викой

С Викторией я познакомился уже через год, когда мы пересеклись на вписке, где пьют водку из пластиковых стаканчиков, слушают популярную, «бочковую» музыку с беспроводной колонки и шмаляют на балконе. Она – симпатичная блондинка с умными зелеными глазами и хорошо подвешенным языком. Я – пьяный, несуразный, но думал, что харизматичный и красноречивый.

– Да не может существовать бога. По-твоему, выходит, что тот, кто нас создал, подразумевал ужасы этого мира? Концлагеря, войны, пытки, рак у детей, в конце концов. – высказывал смелые и нигилистические идеи я.

– Естественно он есть. Не из бульона же мы взяли! А то, что ты описываешь, это просто ошибки человечества. Вещи, которые допускали и приумножали люди старого типа мышления. Думаю, они с лихвой расплатились за это бесконечными мучениями в адских котлах.

– Какая разница, расплатились они или нет, если они уже заставили миллионы, а может и миллиарды невинных, чистых людей уйти из жизни. Тем более, это никак не объясняет детские болезни, наводнения, цунами, извержения вулканов и прочее.

– А вот и объясняет! Вся суть жизненного пути сводит-

ся к тому, чтобы душа предстала перед божьим судом как раз чистой и могла отправиться в рай, где пребывание станет бесконечным. И если так случилось, значит на то была воля Божья.

– А если нет никакого Бога? Если это произошло просто так?

– Если даже ЕГО, – Вика обратилась головой к потолку. – нет, что я говорю, конечно, исключительно гипотетически, то духовная идея божьего учения все равно является правильным вектором для государства. Оно наставляет людей быть добрыми к другим людям, развивать себя и приумножать мир и добродетель.

– Ага, мир, добро и никакого развития и движения. Вспомни историю. Весь церковно-религиозный период это крошечный мрак, застой, и, как становится модным говорить, бесовство.

– Так почему ты думаешь, что это плохо? Может люди были счастливы от этого. Их жизнь была хороша и без научно-технического прогресса, что приносит нам одни беды. Автомат Калашникова, водородные и ядерные бомбы, вытравливание хлором. И уж если мы обращаемся к истории, то задумайся, кто совершил самый большой технический и биологический научный скачок в 20 веке?

– Эм, СССР с железным занавесом?

– Неееа. Как раз нацисты, что ставили опыты над живыми людьми, проводили операции, нарушающие всякий гума-

низм и использовали рабский труд. По такой цене ты хочешь покупать прогресс?

– Ладно, может в этом есть смысл, – я понял, что спорить бесполезно, так как мы оба останемся на своем, а голова набита алкогольной ватой и не хочет придумывать мне достойные контраргументы, а не мычание ни о чем. – выпьем?

– Да, давай. Ты же понимаешь правильный путь, но не хочешь себе в этом признаваться.

Я сделал вид, что не услышал последнюю фразу, будто сглотив ее с алкоголем. Утром я проснулся на зелено-черноватом, обшарпанном диване с похмельем и Викой. Если происхождение первого я еще понимал, то возникновение второго в моей постели точно нет. Вот вообще не помнил. Схватившись за лоб, я медленно повернул голову направо и тщательно осмотрел ее. Сопит еще. Надо съезжаться. Я тихо собрал свою раскиданную по полу одежду, но презерватива не нашел. Это плохо. Или хорошо?

Прошел мимо спящих по лавкам разных тел, больше половины имен которых я не помнил или не знал, и доковылял до двери. Она оказалась открытой, что было мне на руку. Я посмотрел назад, на моего друга Пашу, что привел меня сюда, а сейчас пускал эпичную нитку слюны с дивана. Решил не будить его, потому что если его побеспокоить, то точно проснется парень, который его во сне приобнимает, а дальше это как цепная реакция. Шмыгнув в входную дверь, я, держась за перила, спустился по лестнице вонючего подъез-

да и пошел домой. Горячий душ, питьевая вода, нормальный сон.

Глава третья, после которой МОЯ ЖИЗНЬ ИЗМЕНИЛАСЬ

Второй раз я встретился с Викой, которая, как вы уже поняли или потом поймете, главная фигура моего повествования, когда попал к ней на работу. Не сказал бы, что впечатление из приятных. Я прогуливался по улице в центре города, закрытой для машин по выходным, мимо розовой церкви и не заметил, как наступил полдень, что значит время обеденной молитвы. Паша – приятель, с которым я прогуливался, тут же кинул циновку на асфальт, лег на спину, сложил руки на груди и начал шептать текст молитвы, смотря проникновенно в небо. Я же ухмыльнулся и проигнорировал этот обряд, провтыкав в телефон. Однако, полицейский патруль неожиданно прибежал сзади, предварительно сфотографировав, как я презрительно стою во время всеобщего лежания. Повернувшись, я увидел совсем близко двух полицейских и начал бежать от них, за что мгновенно схватил парализующий удар электричеством, после чего меня вдвоем скрутили, как ковер со стены советского жилища, и запаковали в буханку, что довезла меня до пункта задержания Сталинского района. Обшарпанные стены, столы и шкафы из ДСП, зеленое и разросшееся цветущее в углу, что впитало в себя негативной энергии больше любого прикомпьютерного кактуса и, конечно, иконы и портреты светил политики

и религии на этих же стенах. За столом сидит Вика и пишет мне какую-то бумажку.

– Нет, ну ты правда дурак. Я думала, что просто притворяешься, чтобы произвести впечатление, а ты действительно неадекватный.

– Ага, настоящий на все сто процентов, – хмуро протянул я слоган из навязчивой рекламы сока.

– Ладно, сделаем вот как. Я напишу тебе только административный штраф, будто ты просто долго искал место, куда можно лечь, а ты обещаешь мне, что сходишь в воскресенье в церковь. Ну и меня в кафе сводишь, естественно.

– Нууу. Церковь не обещаю, но кафе устроить можно, да.

– Не в твоей ситуации следует торговаться.

– Окей, можно и церковь.

Пишу это сейчас и думаю, как же пошло это было. Кстати, знаете, почему про плохой художественный текст говорят, будто он пошлый? Я думаю, причина в тупости. Невозможно сказать нечто пошлое, особенно непосредственно в постели или любом другом месте действия, чтобы это не звучало ужасно тупо. Но такие вещи нужно говорить, даже не смотря на то, что они очень тупые и приторно слащавые, потому что отказываться от такого аспекта общения очень вредно для отношений. Тупости, тупо, тупые. Похоже, что я очень пошлый автор для своей единственной, но достойной большего книги. Не книги, книжки. Нет, даже книженции.

Глава четвертая, кратко показывающая мое становление

Через полгода после «кафе» мы с Викой начали жить вместе в моей однокомнатной квартире в промышленном районе, что осталась от бабушки, которая была одной из немногих дождавшихся своего жилища под конец СССР. В размерах немножко жмет, но вдвоем вполне уютно. А еще через полгода мы начали обрастать карьерными возможностями. Если возможности Вики были вполне очевидные, вроде как повышения, ордена, медали, награды за поимку и прочее, то моим возможностям требовался качественный полив и удобрения. Я скажу вкратце, так как в наш век быстропрожевываемой литературы, этот рассказ скорее станет первой бумажкой в моем костре, чем неплохим произведением, критикой или оправданием. Просто пока не решил, что я пишу. Так вот, я начал обрастать людьми, коих притягивал мой принципиальный нигилизм и твердая оппозиция. Сейчас я понял, что моя оппозиция бурлит только для того, чтобы быть оппозицией, и если бы стороны были распределены наоборот, то я бы все равно воспротивился правящей идее. Но тогда я этого, конечно, не знал и был железно уверен в правоте моей точки зрения и отсутствии всяческого права на существование противоположного мнения. Предвосхищая ваш вопрос, нет, жить с Викторией, дослужившейся до офицера инквизиции,

мне это не мешало. И эти люди видели во мне лидера и хотели действий, а я же видел в них паству и хотел денег, чтобы не работать больше в легкой промышленности. Мы собирались сначала в подвалах, снятых на часть зарплаты, толковали о науке, о том, как плоха религия и как можно изменить государство в лучшую сторону. Занимались болтовней. Постепенно я стал монетизировать болтовню, за что с меня начали требовать сильно больше. Из подвалов мы поднялись в портовые кафе, владельцам которых приходилось платить сверху, но они все равно регулярно нас сдавали. Паства разрасталась, приходилось снимать залы и менять их после каждого собрания, но и деньги, что у меня водились к тому времени, позволяли менять залы хоть после каждого доклада.

Дома я эти деньги никак не объяснял, а отмазывался всякими премиями, добавками, чудесами да манной небесной. Сначала Вика пыталась выяснить их происхождение более дотошно, но когда мы пару раз из-за этого поссорились, она будто охладела к этой идее. Просто надо было не спорить с идеями вроде покупки тостера или какого-нибудь платяшка. Мне казалось, что Вика верит и разбираться не хочет, а происходящее на ее работе меня не сильно волновало, так как я был занят своей карьерой пророка-революционера. Признаться честно, она вскружила мне голову. Все больше и больше людей в пастве, больше денег, славы и, что гораздо более пьянящее, власти. У меня была власть. Вы думаете, конечно, что ее не было, а она была. Вот так вот. Меня

слушались, а если сказать честно, то подчинялись, люди самых разных постов и возможностей. Следовательно, все эти должности и потенциалы были в моих руках, чем я, каюсь, пользовался. Опьяненный властью, я задумал нечто действительно опасное.

Глава пятая, которую вы наполовину знаете

Вика, что в последнее время вела себя очень странно, захотела проводить меня до места вечернего собрания организации, на котором наш уже не скромный клуб договорился доработать план по внедрению нашего фильма в официальные СМИ. Из-за этих перепадов настроения я решил ей не отказывать, иначе будут расспросы, истерики, выяснения и изъяснения. Вообще, я как-то в плохом ключе объясняю Вику, но это не так. На самом деле, в нашей совместной жизни было достаточно много хорошего и красивого, но как я уже выше говорил, мне некогда раскрывать здесь не ключевые моменты вроде приятных прогулок, крутого секса или совместного чтения перед сном.

Мы вместе дошли до автобусной остановки, что находилась напротив церкви, в которой будет проходить собрание. Вечерело, самые подозрительные личности города, одетые исключительно в бело-серое, заходили в церковь розового цвета на якобы вечернее собрание. Пара воротил у церкви объясняли тем, кому на собрание не надо было, что сегодня в церкви ждут только евреев. Про них мы заранее узнали, что этот малейший процент их содержания в населении все равно придерживается наших идей.

Квадрокоптеры с иконами мягко освещали улицу, мне

кигнули, что на обсуждении ждут только меня и я стал торопиться прощаться. Вика посмотрела стеклянным взглядом сквозь меня и будто ничего не могла произнести. Потом быстро поцеловала меня в щеку, развернулась и ушла. Тогда мне показалось, что всхлипывая, а сейчас я надеюсь, что всхлипывая.

В центре белоснежного зала церкви были две колонны, соединяющие округлый свод, а между ними стоял длинный дубовый стол, накрытый только с одной стороны, чтобы все могли видеть картинку проектора, на котором будет финальный прогон нашей короткометражки. Когда все уселись, окна потрескались, дверь с грохотом ввалилась внутрь церкви и со всех сторон полезли полностью вооруженные штурмовики со значками инквизиции. Дальше задержание, избивения, суд без суда и неумолимый приговор, из-за которого мне пришлось все это писать и объяснять. В финале этой «книженции» я не буду давать моральных наставлений и стараться передать вам невероятную мудрость, потому что у меня ее нет. Придумайте лучше ее собственной головой. Пусть даже не эксклюзивную, но близкую вам.

А я хотел бы выразить свое последнее желание, которое кажется понятным только вкупе с этим текстом. Прошу, еще до того, как подо мной начнет гореть хворост, даруйте свободу моему действительно невиновному другу – Моисею, чтобы он напечатал книгу и принес светловолосой женщине с родинкой под левым глазом, что проживает по адресу Ком-

мунистическая, 79, тридцать серебряных монет в холщовом мешочке.

Автобус опять подбросило на кочке, из-за чего я проснулся, но тут же закрыл глаза снова и положил голову на дребезжащее стекло. На темном фоне закрытых век пролетели разных цветов и форм пятна, я зевнул и сжался в комок, после чего увидел продолжение сна, время в котором двигалось и без меня. Потому что библиотека и листы пропали, видно только металлическую сцену, несколько человек в специальной форме и целый зал зрителей. А ровно посередине сцены стоит электрический стул. Настоящий я пришел в холодный ужас, однако во сне это чувствуется совсем по-другому. Будто я пришел не на место собственной казни, а просто в деканат подписывать зачетку или в регистратуру за справкой. Потом всяческие мои настоящие чувства отпустило во все и я спокойно прошелся по сцене, встал лицом к освещающей меня, кровожадной толпе, в которой даже были женщины и знакомые люди, но мне нужно было одно, совсем конкретное лицо, которое я в толпе найти не смог. Жалко. Подумал перекреститься, но это был бы чрезмерно пошлый знак, поэтому я послал толпе воздушный поцелуй двумя руками, на что та засвистела еще громче. Сел на стул, меня заковали по рукам и ногам, надели шлем и перед щелчком ру-

бильника я улыбнулся полному залу.

2 апреля

За март я уже успел свыкнуться с столь реалистичными сюжетами, возникающими в моем сознании в то время, когда оно затуманено и как-то перестал заострять на них внимание. Записываю самые яркие, да и все. Сегодня произошло как раз нечто запоминающееся, но в реальности. Когда я вернулся с занятий чуть раньше обычного, я будто услышал какое-то копошение и оживление в своей квартире, но замок был закрыт, не поврежден и не тронут. Я не стал обращать на это сильного внимания, но напрягся снова, увидев ополовиненную чашку с остывшим чаем на столе. Самое главное, правда, не чай, про который я так и не смог вспомнить, допил я его с утра или нет, а разбитая картина, лежащая на полу. Картину эту я еще давненько покупал в интернете, чтобы поддержать достаточно интересного начинающего художника. После того, как увидел один из своих «снов» про искусство. Когда я уже внимательно осмотрелся в квартире и все проверил, я взял растрепанный веник, красный совок, начал подметать осколки картинной рамки и наткнулся на бумажку, где будто бы моей рукой был выведен сюжет того сна, хотя я точно помню, что не стал его записывать. По спине пробежал легкий холодок.

«Палка в колесе»

В первом ряду сидел Иван Колесников, который, если вы спросите меня, был весь такой же бессмысленный, как и его картина. Дорогая и брендовая майка, желтая жилетка, солнцезащитные очки, хотя мы сидели в подвале. Черные, зауженные штанцы, которые вроде бы джинсы, а вроде бы и нет. Ну и серые вансы, купленные в Этажах, конечно же. Я никогда не был в Этажах, но все равно знаю, что Ваня покупал вансы точно у них. Ивану было 24 года, ему срочно надо было прославиться и разбогатеть, чтобы его родители признали, что он занимается не простым прожиганием жизни и молодости. Через несколько минут после начала мероприятия у Колесникова устанет спина и он сползет по стулу, выпрямив ноги вперед, мешая проходить ведущему около сцены.

Катя Чистая, что сидела тоже в первом ряду, но через проход от Вани, прогоняла прочь различные грязные мысли и, откровенно говоря, сильно переживала, что не выиграет, потому что это была последняя ее надежда оплатить химиотерапию и операцию для ее матери. По секрету скажу вам, что ее мама все равно не выживет, но она же этого не знает. И поэтому сильно переживает. Она сочинила красивую песню, исполненную под акустическую гитару и рассказывающую о любви, чувствах или чем-то таком. Я плохо понимал, пото-

му что Катя ее исполняла на португальском языке, на котором я ничего не знаю кроме пары матерных выражений, которым меня научили бразильские ребята в международном лагере. Катя хорошо говорила на португальском, потому что в детстве, когда ее родители разошлись, они с мамой, помещанной на африканской культуре, уехали жить в Кабо-Верде. Но я думаю, что она выпендривается. Могла бы написать красивую песню и на русском языке. Чистая она, кстати, по отцу, которого с детства так и не видела.

В номинации писателей со мной соперничали два колоритных весьма персонажа. Первый – священник Алексей Электранович с трудами про очередной оригинальный, перевернутый из нескольких близких религиозных учений взгляд на загробную жизнь и воспитание молодежи. Я всегда себе плохо представлял, как и почему это связано, но он объяснил, что чем раньше молодежь узнает про способы сделать свою загробную жизнь удобной и приятной, тем раньше они начнут этим заниматься, а для него это важно. Он типа альтруист. А вот его дед явно не был альтруистом, потому что назвал своего сына Электраном. А потом затащил работать к себе, на кафедру физики в СПбПУ. Смешно было всем, но не Электрану Александровичу. И его сын так далеко ушел от профессии отца потому что видел, что с ним сделала традиционность и консерватизм деда. Алексей, наверное, был приятным и хорошим человеком по своим меркам, но для меня остался таким же, как и его книга – непереваренным.

Вторым персонажем был дедушка с слегка съехавшей крышей – Андрей Григорьевич. Он писал про грибы, которые утром нашел в лесу, про солнышко, что ему улыбнулось пока он сидел на лужайке своего домика в деревне, про то, как он все еще любит свою бабу, хотя они уже 55 лет вместе прожили, про внучков, которые никогда не ездят к нему в деревню, про то, как прекрасен утренний лес и ежик, перебегающий дорогу с своим семейством. Я понимаю такую литературу, но совсем не принимаю, потому что мне кажется, будто она не о чем и не для чего. Улыбка этого деда выглядела так, будто ее свело в лицевой судороге и он просто не может показывать другие эмоции. Деда сидели вместе в третьем ряду, постоянно перешептываясь про Джимбо, что сидел ровно перед ними.

Джимбо Смирнову было 37 лет, он – один из детей олимпиады восьмидесятого года, зачатый небезызвестным спортсменом из Ямайки, рожденный в Новосибирске, выросший в русской панельке. Джимбо мне симпатизировал, потому что мне понравилась его картина «Море, на котором меня никогда не будет». Она была реалистично-красивой и одновременно авангардно-умной. Конечно, я, как и Катя, поющая на португальском, сказал вам «авангардно» просто чтобы выебнуться. Это мне отвратительно, но я ничего не могу с этим поделать, оно вырывается само. К слову о отвратительном. На соседнем со мной кресле сидела Евгения Румянцева – милостивая женщина средних лет, написав-

шая какой-то роман про борьбу девочки-подростка с окружающим миром. И ладно бы она боролась просто от того, что ее не понимают, а внутренние противоречия не дают с этим смириться. Нет, дело в том, что она – инопланетянка! Или волшебница. Или мутант? Не помню. Главное, что она – особенная. И она может заставить своего читателя почувствовать собственную особенность или хотя бы причастность к ней, добиваясь этого путем постоянного принижения второстепенных персонажей относительно персонажа главного и *о с о б е н н о г о*. Ее второстепенные персонажи это бездумные и механические болванчики в рамках выдуманного мира, созданные только для того, чтобы подчеркивать героя\восхищаться им, оставляя в подарок читателю сладкое чувство социального признания и успеха. Хоть и спроецированного. Ну вроде как делают Докторы Ватсоны для Шерлока Холмса или Роны Уизли для Гарри Поттера. И никогда подобные произведения не имеют под собой ничего кроме красивой истории и ощущения сладкой особенности, но очень хорошо продаются, поэтому их становится все больше и больше, а содержательная прослойка пласта культуры сокращается и сокращается. Вроде бы получается, что ничего плохого в этом и нет, но нет же и ничего хорошего. Так выходит очень много движения, денег и шума вокруг всякого отсутствия движения. Странно. Неприятно.

Целый ряд был занят уникально-оригинальными стихотворцами из общества мертвых поэтов с пабликами вконтак-

те и никнеймами вроде Коленский, Тленский, Тасотский или просто набором из нескольких слов, что никак не связаны между собой. Они пишут о любви и отсутствии вкуса к жизни, потом через одно накладывают их на бесплатные биты и выкладывают на радость своим фанаткам. К моему недавнему удивлению, многочисленным.

Вдоль сцены прошел усатый ведущий Георгий, споткнувшись о ноги Колесникова и совсем не литературно выругавшись. Когда он поднялся на сцену, оглянул зал, одернул бабочку на шее, прочистил горло и закатал рукава, началось действие. Выключили свет, высветили прожектором колесо фортуны, с которого г-н ведущий ловко сдернул покрывало и заиграла задорная музыка, перекрывающая треск стрелки крутящегося колеса.

Свет включился, послышался гул разочарованных вздохов и редкие крики радости. Я устремился к выходу на дворцовую площадь и закурил. Я обычно не курю, но на случай «когда очень захочется» у меня лежит пачка в рюкзаке. Сейчас подожду пока желтую горизонтальную полосу, изображенную на холсте Колесникова поднимут из подвала в главное здание Эрмитажа и пойду ее смотреть и попытаюсь понять. А потом на пути домой куплю эту книжку Румянцевой. И обязательно буду плевать.

20 апреля

Сегодня произошло нечто вовсе из ряда вон выходящее. Я сидел в очереди к психотерапевту, потому что столь цветные сны начали меня уже донимать. Напротив меня на мягкой лавочке не самого уютного больничного коридора сидел молодой человек в сером капюшоне и в наушниках. Мне что-то показалось в нем знакомым и я начал его рассматривать. Зеленоватые глаза, светлые волосы и ужасные красновато-коричневые рытвины на лице и шее. Присмотревшись внимательнее в радужку глаза, мое тело внезапно обмякло, голова затряслась, зажглась и завибрировала так, будто бы меня огрели тяжеленным тупым предметом и вдруг я увидел... себя!

На лавке напротив сидит мужчина средних лет, в очках, коротко стриженные черные волосы, эспаньолка, широкий нос и густые брови. Нет, это точно был я! Вся та одежда, что я надел в тот день, портфельчик с ноутбуком, даже мои любимые часы, что достались необычно дешево. Мне не могло причудиться, я стопроцентно увидел самого себя! А потом мной начали овладевать странные чувства. Я стал невероятно зол на мужчину в очках, сидящего напротив. Зол за то, что он не болеет так, как я, а все равно тут сидит. Зол за то, что у него есть деньги, а у меня нет. За все, что раздражает меня внутри и я не могу это унять, а могу только подбрасы-

вать все нового и нового мяса, пока оно не вырастет и не сожрет меня самого.

Глаза мужчины напротив засветились каким-то фиолетовым оттенком, он судорожно достал из своего портфеля ручку и тетрадку и начал что-то черкать. Я присмотрелся, была видна лишь перечеркнутая надпись большими буквами на первом листе «АДАМОВО ЯБЛОКО», а под ней шрифтом чуть меньше «Кадык». Я опешил, сделал привычное и легкое движение рукой в пришитый карман, пальцы легко вошли в импровизированный кастет у рукоятки ножа, как вдруг открылась дверь и вышел доктор с седой бородой:

– Александр?, – обратился он ко мне. – пройдемте.

Взял под руку и повел в кабинет.

Когда я пришел в себя, вернувшись из головы этого странного парня, я действительно держал в руках тетрадку, которую поспешно бросил в портфель и побежал со всех ног из больницы, будто бы спасаясь от той волны агрессии, которую я, кажется, чувствовал сам к себе. Закрылся дома на все замки, переоделся, отстирался от грязных мыслей и, спрятавшись зачем-то в гардеробной, начал увлеченно перепечатывать этот текст с тетрадки в ноутбук.

«Кадык»

Глава 1

В метро я визуально отсчитываю два метра, чтобы было куда падать. Не сказать, конечно, чтобы я падал в обмороки или что-то в этом роде, но с некоторых пор я стал причислять себя к категории людей пассивно больных. Сегодня, днем 23 сентября, у меня было такое дурацкое состояние, когда нет желания заниматься в дороге чем-то увлекательным и полезным, вроде чтения, общения или музыки, а хотелось просто влипнуть взглядом в царапину на поручне метро и содержать в голове приятный, мягкий вакуум. Однако, мозг был уже достаточно возбужден мерзким осенним утром и постоянно останавливал взгляд на людях, которые все были заняты полной хуйней. Дед в шапочке Шерлока Холмса и бежевой ветровке разглядывал через линзы огромных очков бесплатную газету, сузив и отдалив глаза, насколько это возможно. В бесплатной газете все было здорово. Наши опять победили, не наши опять проиграли. От следующего заголовка в духе «профилактика ВИЧ» меня коротнуло. Глаза зажмурились, голова отъехала чуть-чуть назад, а в ушахбрякнуло. Это ощущение уложилось буквально в пару секунд, но все равно было противно. Слева от деда сидела

женщина неопределенного возраста с ярко выкрашенными в красный губами, подведенными каким-то трупно-голубоватым цветом веками и с черными комочками на ресницах. В контрасте с хемозно-блондинистыми волосами выглядело это определенно так себе. *Возраст*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.